

ДУХОВНЫЕ НАЧАЛА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А.С. МАКАРЕНКО: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ СОВРЕМЕННОСТИ

В.М. Лобзаров, В.А. Тверская

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь

В статье проанализирован духовный потенциал содержания воспитательной деятельности и педагогического наследия А.С. Макаренко. Предпринята попытка выявления его значения для современности.

Ключевые слова: педагогическая концепция А.С. Макаренко; духовные начала педагогической концепции А.С. Макаренко; духовность; духовность общества; духовность личности.

В начале XXI в. российское общество столкнулось с острой проблемой формирования нового философско-мировоззренческого концептуального взгляда на педагогические идеи и практический опыт А.С. Макаренко. От решения данной проблемы зависит будущее этих идей и определение возможности их адаптации к запросам современного общества. В основе общей проблемы формирования отношения к педагогическому наследию А.С. Макаренко лежит ряд проблем более частного, но при этом чрезвычайно острого и глобального характера. К их числу представляется необходимым отнести проблему принципиальной возможности допущения того, что в условиях жесткого мировоззренческого и политического террора, царившего в стране в 30-е гг. XX в. может не только сформироваться, но и проявлять себя педагог, столь яркой гуманистической направленности, базирующий свою педагогическую деятельность на духовных и гуманистических основах.

Вероятно, впервые эта проблема с особой остротой обозначилась в период крушения коммунистической идеологии, разрушения советского государства и радикального реформирования исторически сложившейся в Советском Союзе системы образования. При этом уже в конце XX в. по нашему убеждению, в России сформировались условия для возможности реализации трёх альтернативных вариантов отношения к педагогическому наследию и общей оценке опыта А.С. Макаренко.

Первый из них заключалась в принципиальной отрицании наличия гуманистического и духовного содержания в теоретическом наследии и опыте этого известного педагога. В конце XX столетия данная точка зрения нашла одно из наиболее ярких и полных выражений в позиции доктора педагогических наук Ю.П. Азарова. В своём монографическом исследовании «Не поднаться тебе, старик» (1989) Ю.П. Азаров утверждал: Макаренко вобрал в себя самое страшное, что было в сталинистской идеологии: нивелировка личности, отказ от

интеллигентных традиций русской, да и классической педагогики, отказ от Идеала, каким был для всех времен и народов всесторонне и гармонически развитый человек. Этот Идеал Макаренко назвал болтовней! Его идеалом человека стал, так, по крайней мере, он сам заявил, работник ГПУ, подтянутый, крепкий, убежденный партиец, противостоящий русскому интеллигенту, не знающий, что такое совесть, добро, красота, т.е. отвергающий эти понятия как мелкобуржуазные. Так считал и вождь. Нетрудно уловить и внешнее сходство между двумя "великими воспитателями века": оба скромны, аккуратны, суховаты, оба терпеть не могут пустоопорожних этических разговоров, не принимают Достоевского, отрицают такие этические категории, как совесть, сострадание, сочувствие, оба – люди крайностей» [1, с. 116].

С позицией Ю.П. Азарова не только не представляется возможным, но и не хочется соглашаться. Его оценка, по нашему убеждению, носит избыточно максималистичный и необъективный характер. Вероятнее всего, педагог-исследователь, давший столь резкую оценку классику советской педагогики, в некоторой степени предполагал те конфликты со значительной частью педагогов, сформировавшихся под влиянием А.С. Макаренко в советский период.

Вторая точка зрения основывалась на убежденности в том, что педагогический опыт и теоретическое наследие Макаренко обладают вневременной гуманистической ценностью и имеют все основания быть востребованными в условиях современности. Так, в частности, С.Л. Соловейчик, оценивая педагогическую деятельность А.С. Макаренко как своеобразный нравственный подвиг, писал: «Представим себе тридцатидвухлетнего, очень молодого человека в пенсне, в косоворотке, в модной фуражке с белым верхом и лакированным козырьком, этого типичного "гуманитария", интеллигентного учителя, привыкшего сидеть за книгами, находиться в более или менее культурной среде учителей большого города, – представим себе, что значит для такого человека отправиться в глушь, в село, взять на себя ответственность за преступников, которых привозят ему в черных каретах и сдают из-под нагана. И остаться с этими беспризорниками, бандитами, ворами один на один в полуразрушенном холодном здании, не имея денег на самые необходимые нужды, не имея возможности даже одеть, обуть и накормить колонистов. Да ещё предстояло заниматься сельским хозяйством, растить хлеб, разводить свиней, возить навоз на поля – ему, человеку, никогда не жившему в селе, предполагаемому "профессору истории»!" [2, с. 264].

В то же время необходимо признать, что, даже давая самую высокую оценку педагогическому опыту и теоретическому наследию

А.С. Макаренко, нельзя игнорировать того, что он нес в своем сознании неизгладимый след трагических противоречий и сложностей своего исторического времени. Отмечая глубокий гуманистический потенциал теоретического наследия этого выдающегося педагога, историк образования М.В. Богуславский утверждает, что «ряд положений, высказанных педагогом в статьях, опубликованных во второй половине 30-х гг., действительно имеет мало общего с гуманизмом» [3, с. 98].

Одним из наиболее актуальных вопросов является вопрос, связанный с появлением гуманистического потенциала наследия А.С. Макаренко и определением степени его востребованности в контексте развития современного российского общества. Но последнее представляется невозможным без ответа на один чрезвычайно значимый вопрос. Это вопрос о духовности педагогической деятельности А.С. Макаренко.

К проблемам духовности в различные исторические эпохи обращались философы и педагоги самых различных научных школ и направлений. Однако, как нам представляется, однозначно бесспорного определения духовности, способного исчерпать все основные черты и характеристики данного понятия, вероятнее всего, не удалось никому.

Без каких-либо претензий на окончательность и бесспорность мы также попытаемся дать определение данному понятию. Под духовностью в жизни общества и отдельного человека нами понимается внутренняя готовность и способность жить во имя ценностей, выходящих за рамки утилитарно-прагматичных интересов и наполняющих жизнь общества и человека особым глубинным смыслом. Для глубоко верующего человека и общества, чуждого доминирования атеистического сознания, это может быть служение Богу, наполняющее жизнь человека и общества особым внутренним содержанием и предопределяющее ценностное отношение к семье, обществу, государству, творчеству, своей личностной жизни и многому другому.

Для человека, не столь четко определившегося в вопросах веры, возможно при этом осознанно или неосознанно испытывающего воздействие Божественной силы, духовность может предполагать стремление к творческому самовыражению в сферах искусства, философии, науки, а также в воспитании последующих поколений как поколений Художников и Творцов.

При этом прослеживается влияние ценностей: эпохи западно-европейского Возрождения с присущим ей культом максимального самовыражения в сфере искусства и философии; эпохи Просвещения, вносящей в жизнь человека духовные ценности свободы личностного философско-мировоззренческого самоопределения, глубинную

потребность в научном познании мира как высшем смысле жизни и общества и отдельных людей.

Как отмечает известный отечественный педагог–исследователь Б.С. Гершунский, «корневая система» российской духовности воплощена в материальных носителях широко понимаемой *российской культуры*. Эта система требует поистине археологической точности и скрупулёзности в обнаружении нетленных основ народного бытия, очищении их от скверны преходящих политических и идеологических наслоений и возвращения народу России и мировой цивилизации в своём первозданном неизвращенном виде. Разумеется, с учетом того вклада, который внесли и вносят в российскую культуру и российскую духовность сменяющие друг друга поколения россиян» [4, с. 24]. С точки зрения Б.С. Гершунского, А. С. Макаренко занимает достойное место среди выдающихся представителей отечественной науки и образования как носитель российской духовности.

По нашему убеждению, многие жизненно важные поступки и дела А.С. Макаренко оппонируют жестокости своего исторического времени. Духовность многих из них невозможно поставить под сомнение. К их числу необходимо отнести искреннюю бескорыстность и жертвенность этого выдающегося педагога. Это выражается в том, что, являясь человеком с высоким уровнем интеллигентности и оставаясь типичным учителем по своему миропониманию, он добровольно принял на себя ответственность за руководство полтавской колонией для морально-неблагополучных детей, первоначально состоящей из 46 воспитанников. При этом он точно знал, что из них «... трое оказались в колонии за убийство, 5 – за бандитизм, 38 – за воровство» [5, с.123]. На протяжении примерно 8 лет (1920-1928 гг.) он оставался бессменным заведующим колонией им. Горького, работая по 16 часов в сутки без выходных, настойчиво осуществляя поиск новых и зачастую неизвестных педагогической науке средств для воспитания духовно искалеченных гражданской войной детей. Он сделал всё возможное для того, чтобы помочь детям, перенёсшим глубокие психологические травмы, стать полноценными и достойными людьми.

Представляет интерес то, что при этом ему постоянно приходилось внешне и внутренне оппонировать государственно-бюрократической политической системе. Характерно, что он был с позором изгнан органами Народного комиссариата просвещения с должности заведующего колонией им. Горького. В 1928 г. Макаренко переходит в коммуну им. Дзержинского, находящуюся под управлением НКВД. Однако и здесь он вынужден был столкнуться с самыми серьёзными препятствиями для реализации своих идей. Вероятнее всего, в качестве главного препятствия выступал формально-

регламентирующий контроль за его педагогической деятельностью и всей жизнью колонии. Об этом он писал в одном из писем после очередной проверки. В его словах, по нашему убеждению, звучат раздражение и боль: «Я 5 лет работаю в коммуне, и мне никто ни разу не выразил официальной благодарности, педагоги в коммуне – это парии, которые заслуживают только одного – "выгнать", с некоторыми даже не здороваются при встрече. Я воспитатель, я потратил 12 лет на уточнение и практическое воплощение коммунистического воспитания, я создал для этого с большим трудом опытный коллектив, который оправдал все мои положения. Уже сейчас я могу писать теорию. Я имею, наконец, имя, хотя бы в пределах Союза. Какое я имею право перечеркнуть всю свою работу и отказаться от всех выводов моего опыта, совершенно необходимых для Советского Союза, и обратиться в надзирателя, в "помощника" случайных меняющихся людей, хотя бы и заслуженных и почтенных, но не имеющих никакого отношения к проблеме советского воспитания?» [6, с. 49]. Ярко выраженная духовность педагогической деятельности и концепции А.С.

Макаренко в значительной степени заключалась и в том, что он попытался создать в колонии коллектив, как своеобразное сообщество колонистов и педагогов, которое неразрывно с обществом, но при этом как бы представляет его идеальный вариант. Жизнь в колонии во многих своих определяющих аспектах оказалась светлее и чище, чем жизнь окружающей её социальной среды.

На уровне практики это нашло своё выражение в следующем:

- каждый воспитанник в колонии оказался защищенным от любых проявлений произвола взрослых и своих сверстников. Он смог жить счастливой и достойной жизнью в условиях личной и гражданской свободы. Здесь не было карцеров, внутренней охраны, постоянного и унижительного досмотра. При этом колония воспринималась воспитанниками как место жизни, но не место отбывания наказания;

- А.С. Макаренко реализовал идею нравственно-здоровой социальной среды, в значительной степени меняющей внутренний мир воспитанника и дающей им возможность полностью порвать с криминальным прошлым;

- характерно, что по решению совета командиров воспитанники (в соответствии с полностью принимаемой ими позицией) никогда не рассказывали о своём криминальном прошлом и тем более не идеализировали криминальную среду. Они добровольно и осознанно выходили в жизнь без груза влияния нередко «тёмного прошлого». Об этом, в частности, свидетельствует и мнение исследователя А. Нуйкина: «История не зафиксировала больше ни одного случая такого педагогического могущества, которое позволяло с полным правом

провозглашать, что "воспитание молодежи — дело легкое и радостное". А кто в наши дни рискнул бы сказать: "Я достиг положения, что мог брать группы по 50 человек прямо с вокзала. Я брал, скажем, сегодня вечером, а завтра я не беспокоился, и никто не беспокоился, как ведут себя вновь принятые дети в коммуне". За восемь лет работы в колонии им. Горького педагог ни одного (!) из привезенных ему под охраной преступников не возвратил в тюрьму, а в коммуне им. Дзержинского за 8 лет вообще "не было ни одного черного дня, ни одного несчастья"» [7];

- в колонии благополучно сосуществовали мальчики и девочки зачастую с криминальным прошлым, но при этом под влиянием и прямым контролем коллектива в них царила вполне чистая и нравственная атмосфера, в равной степени защищающая всех её воспитанников;

По нашему мнению, секрет феномена педагогической деятельности А.С. Макаренко в значительной степени заключался в том, что в жестокое и суровое время он выдвинул и реализовал систему идей, в основе которой лежали устойчивые духовные начала, восходящие своими корнями к традициям большой и дружной семьи, с присущим ей культом труда, уважения и любви, разумной требовательности, самодисциплины и ответственности. Вероятнее всего, именно духовные начала, нашедшие своё отражение в педагогической концепции А. С. Макаренко, повлияли на формирование педагогических убеждений и развитие таланта В.А. Сухомлинского. В свою очередь, образовательная деятельность и педагогические идеи В.А. Сухомлинского определяющим образом повлияли на реализацию творческого потенциала уникальной генерации отечественных педагогов-новаторов 60-80-х гг. XX в. (Ш.А. Амонашвили, С.Н. Лысенкова, И.П. Волкова, В.Ф. Шаталов, Е.Н. Ильин и др.). В эти же годы опыт А.С. Макаренко приобрёл большую известность в ряде ведущих западных стран мира. Он был объективно охарактеризован как выдающийся педагог гуманистической направленности. Теория и образовательная практика А.С. Макаренко были оценены как явления, имеющие общечеловеческое значение и требующие дальнейшего концептуального осмысления в контексте развития современного социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаров Ю.П. Не подняться тебе, старик: роман-исследование / по-слесл. Т.М. Афанасьевой. М.: Моск. гвардия, 1989. 304 с.
2. Соловейчик С.Л. Час ученичества. М.: Детская литература, 1986. 381 с.
3. Богуславский М.В. XX век российского образования. М.: ПЕРСЭ, 2002. 336 с.

4. Гершунский Б.С. Россия и США на пороге третьего тысячелетия: Опыт экспертного исследования российского и американского менталитетов. М.:Флинта, 1999. 604 с.
5. Фрадкин Ф.А., Плохова М.Г., Осовский Е.Г. Лекции по истории отечественной педагогики: учеб. пособие для студ. высш. и сред. учеб. завед. М.: ТЦ СФЕРА, 1995. 160 с.
6. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. / сост.: М.Д. Виноградова, А.А. Фролов. М.: Педагогика, 1986. Т.8. 336 с.
7. Нуйкин А. Страсти по Макаренко. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jig.ru/golden/016.html>. Дата обращения: 7.04.2014. Заглавие с экрана.
8. Макаренко А.С. Педагогические сочинения: в 8 т. / сост.: М.Д. Виноградова, А.А. Фролов. М.: Педагогика, 1984. Т. 4. 400 с.

Об авторах:

ЛОБЗАРОВ Виктор Михайлович, доктор педагогических наук, профессор кафедры дошкольной педагогики и психологии педагогического факультета ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет». E-mail: v.lobzarov@inbox.ru

ТВЕРСКАЯ Владислава Андреевна, специалист по учебно-методической работе кафедры дошкольной педагогики и психологии педагогического факультета ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет». E-mail: inmyself@mail.ru